

IMAGE HOLDER

Гамбит с Марьяжем

Жанр произведения: Историческое

[Произведение написал автор BookBox Игорь Куделин](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Гамбит с Марьяжем

Белиз, 1655 год от Рождества Христова. Ранним утром повсюду было еще темно и тихо, спокойно. А в небольшой комнатухе под чердаком жилого дома брезжил тусклый свет. Вооруженная до зубов мужская фигура, стоя у прикрытого ставнями окна, что-то выжидала и много думала, время от времени вслух проговаривая свои мысли, разговаривая как бы с собой.

"Трофейный карабин приятно холодит руки. При свете лампы глаза наслаждаются изысканным оружием, привезенным сюда из Европы. Мастер поработал на славу, а бывший владелец не уберег, впрочем, как и свою жизнь. В твердых руках да под стать опытному и зоркому глазу выпущенная из такого мушкета пуля, разит наповал. Да из него хоть в генерал-губернатора стрелять можно, хоть в самого короля! Теперь эта дорогушая и редкая в Новом Свете вещица послужит достойному ее человеку - снайперу Реджинальду Сазерленду. Уже послужила. И совсем скоро послужит вновь. Ждать осталось недолго. Надо снова сверить время: вот они серебряные карманные часы, еще один трофей - работа наемным убийцей приносит не только песо и дублоны, но дополнительно еще и ценные призы. Ха! Но вот забавно: чем богаче жертва, тем менее ценными становятся призы. Аристократы носят при себе лишь украшения, кошель с деньгами и часы подобные этим. Ох, сколько же было этих напыщенных хлыщей в размалеванных камзолах и париках! Убивать таких очень весело, особенно, когда для того чтобы поближе к ним подобраться, необходимо сперва ликвидировать их охрану, да еще таким образом, чтобы будущая жертва это увидела и начала паниковать да истошно кричать, прося о пощаде. А вот с искателями приключений, да интриганами-авантюристами приходится куда сложнее. Их необходимо выслеживать, подстергать в засаде, а иногда незаметно ретироваться, для таких мишеней - нет, никак не жертв - противников, нужно устраивать ловушки. Ведь среди них встречаются довольно-таки умелые охотники и отчаянные бретеры, которые не боятся прямого контакта с врагом. Но и призы с них куда изящнее и ценнее, а главное то, что их можно использовать в своей последующей работе. Чего только стоит сей трофей, взятый с трупа того плантатора, опального испанского гранда, которому не сиделось на месте! Из-за своих грешков он лишился всего, но сохранил имеющееся в распоряжении роскошное оружие и кое-какие сбережения. За его голову платили хорошие деньги и Реджинальду Сазерленду пришлось долго повозиться прежде чем пронзить отступника своей пламенной шпагой - фламбергом. Безусловно, сей противник заслужил пикового туза. Да, с ней, со шпагой, Реджинальд Сазерленд обращается вполне искусно: она ему практически как родная дочь, ну или как минимум падчерица. И все же пользуется он ей редко, ведь ему по душе более тяжелое оружие - двуручные или полторные мечи. Но в этих местах они не в моде, да и неудобны для такой работы, поэтому приходится носить при себе шпагу. Но ничего, совсем скоро у

Реджинальда Сазерленда появится истинное оружие шотландцев - палаш. С ним-то он точно станет еще опаснее! Заказ уже сделан: из двуручного клеймора знакомый оружейник в Глазго изготовит палаш, после чего его привезут из Европы. Тогда редкую шпагу можно будет продать тому профессиональному дуэлянту, что предлагал за нее неплохие деньги. А может, будет лучше пристрелить его да порыться в карманах? Да, все же куда более Реджинальд Сазерленд тяготеет к огнестрельному оружию. С пятнадцати ярдов он легко попадает в муху или в беличий глаз, хотя, - после выстрела в этом фарше уже не разобрать. А человек то гораздо больше белки - в человека стрелять проще. Но вот сложнее всего притом, и это и есть тот самый настоящий азарт: после совершенного убийства приблизиться к свежему трупу, чтобы обчистить карманы, присвоить себе понравившееся оружие и оставить свою метку - игральную карту. Каждый противник, кроме дикарей, разумеется, получает свою карту. И чем сложнее работа, тем выше карта для жертвы. А работы у Реджинальда Сазерленда было много и карт со всей колоды осталось только две, дама да король червей. И уже совсем скоро останется последняя карта, затем и она найдет своего владельца. Придется открывать новую колоду, ха-ха-ха! И почему же здесь на Карибах люди не жалуют Реджинальда Сазерленда? Одни считают его безмозглым тупицей, другие - обычным убийцей, третьи видят в нем безумца, кровожадного злодея. Почему-то никто не считает его отчаянным храбрецом и лучшим в мире снайпером, - а ведь именно так оно и есть! В одиночку шотландцу тяжело выжить на Карибах, здесь не найти даже хорошего виски, но Реджинальд Сазерленд уже пережил многих и переживет всех остальных! И вот теперь вместе с деньгами отобранный у испанца карабин заменил старенький фитильный мушкет. После того дела совсем не хотелось браться за новую работу, ведь призовых денег вполне хватало на выпивку и шлюх, на веселый и непринужденный отдых в течение длительного времени. Но Реджинальду Сазерленду уже надоело поддерживать форму в тренировках, отстреливая краснокожих дикарей. Много их пало за смертью, пока он пристреливал свой трофейный карабин, много их пало, пока он развлекался от нечего делать. Они же язычники эти дикари - кто их считает?! Пуля и та дороже нескольких их жизней. Ну а для этой нынешней работы не нужно никуда переезжать: дом жертвы рядом, прямо в этом же поселении, поэтому и, безусловно, стоило за нее взяться".

Положив карманные часы на комод рядом с окном, где уже лежала отобранная под неизвестный статус жертвы игральная карта - король червей, убийца стал всматриваться сквозь ставни, правой рукой держа при этом карабин опущенным на пол прикладом. "Противника он увидит уже через две минуты. Что за странная точность - заказчик уверял, что будущая жертва либо в одиночестве, либо в сопровождении охраны появится в окне напротив ровно в четыре часа

утра. Что за удовольствие совершать прогулки в такое время? Ни имени, ни титула, ни статуса или звания, известна лишь национальность - ненавистные испанцы, - о жертве больше ничего не было сказано, кроме того, что он или они должны появиться в этом чертовом окне ровно в четыре часа утра! И если людей будет несколько, то стрелять необходимо лишь в того, кто зажжет свет. На два дюйма левее источника света - так должна пройти пуля. Станный заказ. Да и с заказчиком ранее знаться не приходилось - какой-то мутный тип подсел к Реджинальду Сазерленду за столик в местной таверне и пожаловался на якобы должника. Ах, да! Известно еще кое-что: заказчик заранее снял на всю ночь эту комнату у хозяина дома, и позаботился также о том, чтобы ставни в окне напротив были распахнуты, а за уже скорую смерть человека в том окне он заплатит Реджинальду Сазерленду очень и очень большие деньги, даже аванс выдал, и также обещал удвоить оговоренную сумму, если придется стрелять в охранников и смертей в итоге окажется больше! Придется - чего уж там, - за плату их будет больше! Тем более, они испанцы: если к дикарям ненависти нет, ровно как и симпатии, то к представителям, но не к представительницам, этой нации есть одно лишь желание истреблять их, обирая трупы. И предпоследняя из колоды карта для главной жертвы уже припасена. Ну а если мутный тип обманет Реджинальда Сазерленда, тогда именно ему и достанется последняя из колоды карта - дама червей!"

Несколькими днями ранее испанский капитан Себастьян де Руис за письменным столом в каюте своего фрегата "Покаяние" в присутствии первого помощника разглядывал большой золотой самородок и изучал судовой журнал некоего английского буканьера Джорджа Гордона. В это же время команда "Покаяния" перетаскивала с захваченного пиратского шлюпа в трюмы испанского военного фрегата некоторое количество бочек с ромом и переносила найденные в рундуках золотые самородки, коих нашлось не то чтобы много, но и не мало. Никто из испанцев до этого дня и слухом не слыхивал ни о Джордже Гордоне с его командой, ни о его шлюпе "Мечь". Да и воевать с ним и брать судно на абордаж даже не пришлось - кораблем-призраком дрейфовало оно в море, покинутое командой. На борту не было ни души. Испанцы отыскали лишь ром, золото, всякий хлам, связку ключей да судовой журнал в капитанской каюте. Из него де Руис узнал, что золота у джентльменов удачи изначально было гораздо больше и оно, украденное у индейцев на Юкатане, было поделено между командой. Из записей он сделал вывод о том, что, по всей видимости, во время стоянки в Белизе буканьеры успели прогулять часть награбленного или попрятать его в тайниках на суше. Но этот Гордон слишком многое доверял бумаге и в судовом журнале указал конкретное место, где вместе с некой бесценной индейской реликвией спрятал и свою долю самородков, - в комод на втором этаже его дома на западной окраине Белиза. В судовом журнале также

имелся план и расположение подземного хода, ведущего из дома за городские ворота. Таким образом, капитан шлюпа имел возможность пробираться через сельву к себе в резиденцию, если можно так обозвать дом пирата, незамеченным, ну или замеченным только лишь дикими животными, обитающими за городскими воротами. В последних записях в судовом журнале с корабля "Мечь" Себастьян де Руис и его первый помощник прочли, как Джордж Гордон раскаивается в недавно содеянном им и его людьми святотатстве - разграблении священного индейского храма и похищения с алтаря некой реликвии - какого-то золотого идола. Он считал, что именно этот поступок и стал причиной всех бед "Мечи", что отныне корабль проклят, и индейская магия его покарает. После надругательства над индейским храмом, "Мечь" вернулась в Белиз, что находится неподалеку. А вскоре после отплытия на юг всю команду свалила лихорадка, из-за которой матросы в беспомощности один за другим прыгали за борт. Последними словами, оставленными Гордоном в судовом журнале, были: "Нужно вернуть идол на место... Теперь они все сошли с ума, они выпрыгивают за борт... И скоро настанет мой черед, так как мне не успеть вернуть идол в храм".

Эти записи в судовом журнале стали предостережением о проклятом индейском золоте, к которому не следовало бы прикасаться. Но алчность и жажда золота выше всяческих суеверий да сказок, и благородный испанский идалго не придавал значения записям, оставленным, судя по всему, покойником. Индейцев он всецело презирает и вслух смеется над их байками. Сам-то он уже достаточно длительное время имеет дело с индейцами и наслышан об их магии, даже держал в руках некоторые якобы заговоренные амулеты, но не верит ни в их силу, ни в саму магию. А вот его первый помощник Густаво де Ортега - не такой, как его капитан, он еще молодой испанский дон, где-то в глубине души верит в существование необъяснимой силы индейских шаманов и колдунов, но католическая вера и положение в обществе не позволяют ему распространяться и даже думать о таких вещах. К тому же, это помешало бы ему в его службе. Верить же английскому ладрону так и вовсе стыдно.

Англо-пиратский шлюп был подожжен, а испанский фрегат двинулся в сторону Кубы. Посетить убежище Гордона Себастьян де Руис планировал несколько позже, сперва необходимо было доставить в Гавану груз - будущих рабов. А также, дабы не делиться сокровищами с де Ортегой, собирался оставить того в Гаване, - давно пора избавиться от этого любящего послушать индейские байки юнца.

Но до Кубы фрегат так и не добрался. На команду обрушилась лихорадка, в считанные часы треть матросов и солдат "Покаяния" была охвачена какой-то

странной хворью. Индейцы мискито, находившееся в трюме фрегата якобы в качестве работников, а на деле будущих рабов, были здоровы, никто из них не заболел. Служба Короне Испании негодяем Себастьяном де Руисом и подчиненными ему людьми заключалась в том, что они обманным путем делали индейцев своими должниками и в связи с этим заманивали их к себе на корабль, чтобы доставить в то место, где они могли бы отработать долг. Вот такая циничная форма принудительного труда коренного населения, называемая репартимьенто, накладывалась испанцами на индейцев. Назад в свои становища индейцы уже не возвращались, они становились рабами.

Капитан "Покаяния" считал, что причина болезни команды в найденном на шлюпе роме, - видимо, он был кем-то отравлен. И, когда первые из заболевших начали выбрасываться за борт, Себастьян де Руис вынужден был принять хоть какие-то меры: заболевших вместе с приставленным к ним корабельным лекарем заперли отдельно от остальной команды, а бочки с найденным ромом были выброшены за борт. Густаво де Ортега после недолгих размышлений поверил в то, что проклятие, описанное Гордоном в судовом журнале, существует. Жажда золота не ослепляла офицера так сильно как многих других его соотечественников, в том числе и капитана, и поэтому вначале он предложил тому выбросить за борт все найденное золото. Но это было исключено. Капитан указал подчиненному на его место и заверил, что даже если он и прав, то команда этого не допустит и поднимет бунт. Густаво де Ортега не сдавался и даже демонстративно перед солдатами и матросами пустил за борт всю свою долю, но его поступок и последовавшие уговоры не помогали и только лишь накалили обстановку на судне: кто-то ему верил, но большинство высмеивало, а некоторые в мыслях готовы были разорвать де Ортегу за его подарок рыбам. И капитан приказал арестовать помощника. Но один матрос, сбитый с толку, в ночи освободил офицера, и уже вместе, предварительно связав нескольких вахтенных, вдвоем ушли они на спущенной с судна шлюпке. Вскоре о побеге и краже шлюпки стало известно. Себастьян де Руис почти сразу догадался, куда последовал его непослушный помощник. Решено было взять курс на запад на полуостров Юкатан - хотя ветер и не был попутным, но путь предстоял недолгий. Капитан понял, что де Ортега спешит пробраться в логово покойного пирата, отыскать там индейский идол и вернуть его в храм, - благо описание нужного маршрута содержится все в том же судовом журнале с "Мести". Предатель успел его изучить.

Пока фрегат "Покаяние" дошел до подходящей бухты, заболело еще несколько испанцев. Индейцы в трюме оставались здоровыми.

Вскоре капитан фрегата с отрядом из хорошо вооруженных и вроде бы еще не заболевших пяти человек пробирался сквозь сельву к месту, где согласно карте Джорджа Гордона должен был располагаться вход в подземелье, ведущее к его логову в Белизе. Шли согласно карте. Она оказалась верной: около высохшего дерева между двумя большими камнями находилась землянка, в которой имелась запертая массивная дверь. Рядом с ней мирно спали беглецы, несумевшие открыть ее без ключей. Вскоре после пробуждения от ударов сапогом и одновременным брэнчанием связки ключей в руке де Руиса был заколот матрос. На офицера же надели прихваченные с корабля на подобный случай кандалы и, приставив к нему двоих охранников, оставили в землянке. Безжизненное тело матроса, не тронув, также оставили рядом со входом в землянку.

И вот Себастьян де Руис с тремя солдатами пробирается по длинным и узким коридорам подземелья. Сам он вооружен рапирой с эфесом типа бильбо, висящей у левого бедра, у правого бедра - пистолем, а также факелом в правой руке. Неизвестно о чем думает он в эти минуты, ведь в отличие от Реджинальда Сазерленда не имеет привычки говорить с самим собой. А с подчиненными солдатами он общается только при помощи команд и приказов, да и чаще всего через других офицеров. Трое солдат, сопровождающих его в этом подземелье, тоже молчат. Вскоре коридоры приведут их всех к запертой двери. Но при себе есть связка ключей, среди прочих вещей обнаруженных в каюте Джорджа Гордона. Один из этих ключей обязательно подойдет к замку. Один солдат оставлен у двери. А спустя мгновения двое других под пристальным взглядом де Руиса осторожно обыскивают дом, надеясь, что более никого в нем нет. Вскоре они в этом убеждаются. Гордон был неряшлив - всюду разбросаны пустые бутылки, в которых когда-то плескались вино и ром - как бы не споткнуться да не поднять шум из-за этих бутылок. Но вот она спальня на втором этаже, а вот комод у окна. Он заперт, но открыть его одним из ключей не составляет труда. Сам де Руис без опаски делает это. Внутри с десяток самородков приличного размера и, вот это да, что за красота, - золотой индейский идол! От него исходит дивное яркое сияние и, кажется, оно становится еще более ярким - внезапная вспышка в их последний миг ослепила де Руиса и стоявших за его спиной солдат. Так невероятным образом засиял идол в руке. И выстрел. Казалось бы, он прогремел на мгновение раньше вспышки, или позже? Но откуда? Испанский идальго ничего больше не успел сообразить. Из-за резкой как молния боли адское ощущение от лопающихся глазных яблок померкло. Вопли за спиной совсем не слышны. Темнота. Тишина. Пустота.

Тела обнаружат ни сразу, да и то их обнаружат лишь потому, что парадная дверь в дом окажется настежь открытой, будто это было сделано нарочно. Ни

золота, ни идола не окажется рядом. Лишь смертельная рана от пули на изуродованном лице испанского сеньора с выжженными глазами, да личное оружие. Подле него два мертвых испанских солдата также с выжженными глазами, а в двух шагах за ними с таким же смертельным ранением застывшее на коленях в дверном проеме тело еще одного испанского солдата, судя по всему, вбежавшего на услышанные крики товарищей. Коридоры подземелья, вход в которое также будет обнаружен в этом доме, выведут гарнизонный патруль далеко за городские ворота, где в землянке будет найдено четыре заколотых тела испанских врагов, одно из которых в кандалах.

А вот несколько ранее, поутру, в комнате еще одного дома был обнаружен мертвым известный многим поселенцам шотландский убийца, оставивший игральные карты на телах своих жертв. Одна из таких карт мирно лежала на комодке рядом с карманными часами, стрелки которых замерли на четырех. А его выжженные глаза, искривленное от ужаса и боли лицо свидетельствуют о том, что он умер по той же причине, что и испанцы в доме напротив, но в более длительных муках. При нем также найдены довольно изящные карабин и презираемый многими дворянами фламберг, а также зажатый в пальцах король червей - последняя из колоды убийцы игральная карта.

Слухи по Белизу прокатились разные, начиная от самых наивных версий произошедшего и оканчивая довольно абсурдными и немислимыми. Основные из них в таверне и на улицах, приукрашенные действием выпитого рома, рассказывали о некой индейской магии.

А тем же утром, когда уже все тела были обнаружены, в одной укромной бухте тот самый мутный тип из таверны Белиза вместе с группой индейцев из воинственного племени ица вырезали остатки команды "Покаяния", освобождая заключенных в его трюме индейцев из другого мирного племени. Так, разыграв гамбит с марьяжем, свершилась "месть" над врагами индейцев. Кроме того, у испанцев отрядом мстителей был отнят великолепный фрегат. Корабль захвачен и теперь у него новый капитан! Но это уже совсем другая история...

(Игорь Куделин, ноябрь 2019)